

На первый взгляд, монография Н. А. Кожевниковой не выходит за рамки очерченной автором задачи — описание принципов словоупотребления в русской поэзии начала XX века. Но само по себе обозрение и систематизация материала приводит к более важному результату, и результат этот — совмещение методов и задач поэтики с фактами истории языка.

Пожалуй, впервые в столь явной и четкой форме лингвопоэтический анализ не исчерпывается самой по себе весьма важной задачей описания языковой организации и системы языковых средств текста или идиолекта. В результате наблюдений Н. А. Кожевниковой возникает весьма отчетливая картина некоторого временного среза русского поэтического языка, а точнее — некоторая языковая система, которая оказалась актуализованной в языке русской поэзии начала XX в. (в первую очередь — в языке символистов).

Отсутствие подобного исследования ощущалось довольно остро. Пожалуй, после образцового, но ныне явно устаревшего исследования В. Гофмана [1] впервые характерная для символистов «поэтика слова» рассматривается как единая и целостная система, ключ к пониманию и построению которой автор ищет в принципах словоупотребления. При этом в исследовании Н. А. Кожевниковой в полной мере отразились намечающиеся в современной общей и поэтической лексикологии изменения в подходе к слову. «Герой» ее книги — это слово в тексте и контексте, т. е.: 1) слово как элемент определенного семантического поля; 2) слово как объект того или иного смыслового преобразования; 3) слово как компонент семантической структуры текста; 4) слово как отголосок предшествующих контекстов его употребления. Такой исследовательский стиль оперирования лексикой, столь отличный от более привычного лексикографического подхода, рискован, за неимением термина, назвать структурно-тезаурусным. Этот стиль может смутить читателя, который ожидал бы встретить в книге списки метафор и метонимий, славянизмов и варваризмов, и т. д. Конечно, подобные лексикографические пометы имеются, причем они играют немаловажную роль в рубрикации материала, но автора интересует функциональная значимость лексических средств, а не просто их классификация.

Н. А. Кожевниковой удалось в значительной мере поколебать расхожее представление об ограниченности словаря

символистов, сформулированное еще их современниками (ср.: «Вон истину русские символисты были столпниками стиля: на всех не больше пятидесяти слов» [2]). В самом деле, наиболее бросающееся в глаза свойство языка символистов — это ограниченность лексики и сосредоточенность на круге традиционных образов. Согласно автору, дело не в скудости лексических средств, а в функциях и отношениях, которые приобретают лексические единицы в системе языка символистов. В соответствии с эстетикой символизма мир должен быть описан посредством ограниченного набора универсальных образов-смыслов, «вечных символов». Отсюда тяготение к традиционной поэтической лексике, но без предшествующего разграничения сфер ее употребления: одни и те же символы описывают как внешний, так и внутренний мир, те же свойства приписываются различным объектам и т. д. Все это служит выражению характерного для символистского мироощущения «принципа соответствий». Лингвистической базой такого процесса является разработанная символистами особая «поэтическая грамматика», система приемов, средств сочетания слов: «Своеобразие словоупотребления в поэзии символистов во многом определено тем, что в центр выдвигаются приемы, которые в поэзии XIX в. были на периферии... В результате этого в поэзии символистов на первый план выходит непрямое слово, меняется соотношение конкретного и отвлеченного... Ограниченность словаря символистов, о которой, впрочем, можно говорить только условно, компенсируется расширением сочетаемости слов, изменением их семантического объема» (с. 250).

Расширение сочетаемостных возможностей слова при четком структурировании словаря и выделении в нем основного ядра — вот что в наибольшей мере характеризует язык символистов. (Именно структурированность, выделяемость основного ядра и создает внешнее впечатление скудости словаря.) Автора интересует не столько словарь сам по себе, а лексическая система, определяющая принципы и отношения сочетаемости между смыслами.

В основе этой лексической системы — закрепленные поэтической традицией и вошедшие в языковую обиход общезначимые смысловые связи, отношения. Дальнейшие индивидуальные вариации опираются на исходные тематические отношения, но эти вариации могут, не нарушая общей системы, приводить и к новым лексиче-

ским связям. Например, на основе исходного традиционного отношения «слово — жемчуг» возникают и такие сочетаемостные связи, как: «слово — алмаз, сапфир, колчедан, кристалл» и т. д. Во всех этих случаях одно и то же общезначимое отношение между тематическими классами (поэзия — драгоценный камень) может реализовываться в различных образах. Н. А. Кожевникова вначале выделяет общезначимые тематические отношения, закрепленные в опорных символах (типа: «жизнь — храм», «мир — книга», «жизнь — путь» и т. п.), затем — их индивидуальные лексические вариации. Приводимый автором материал убедительно доказывает наличие единой для всей поэзии символизма (и в определенной мере унаследованной и последующими литературными направлениями) системы относительно устойчивых связей между определенными лексико-семантическими полями, т. е. наличие характерной для русских символистов единой языковой картины мира.

Именно потому, что автора интересуют в первую очередь не сами слова и даже не отношения между словами, а отношения между смыслами, предлагаемая им систематизация значительно отличается от обычно принятых. Например, глава «Тропы в поэзии начала XX в.» посвящена не столько описанию тропов и их типологии, сколько образующим эти тропы отношениям между семантическими полями. Н. А. Кожевникова выделяет группы опорных слов, каждое из которых является ядром определенного лексико-семантического поля, и прослеживает, как «вокруг определенных опорных слов группируются тучки разнотипных сочетаний» (с. 78). Действительно, если одно и то же смысловое отношение может быть выражено посредством различных конструкций, то надо сначала выделить это отношение, а лишь затем — средства его выражения. Не столь существенным предстает и направление метафоризации — поскольку в ее основе лежит симметричное отношение между семантическими полями. Раздельное же описание типов тропов (отдельно сравнений, отдельно метафор и т. д.) скрадывает единство семантической системы, а в ряде случаев и создает неразрешимые теоретические проблемы (например, проблему четкого разграничения различных типов тропов). И, в частности, впервые в столь полной форме описанное Н. А. Кожевниковой явление обратимости тропов (преобразование одних тропов в другие, но выражающие те же смысловые отношения), внешне, казалось бы, незаметное явление опровергает любую теорию, абсолютизирующую семантические отличия между типами тропов.

Поскольку внимание исследовательницы сосредоточено на вопросах системных отношений и смысловой сочетаемости лексических единиц, то вполне закономерно, что анализ принципов поэтического словоупотребления вплотную приводит автора к проблеме «слово в тексте». Ведь слово в лексической системе поэзии символизма есть в то же время слово в системе текстов, — причем не только оригинальных текстов символизма, но и тех, на которые была ориентирована их поэзия. Отношения между семантическими группировками внутри лексической системы — это суть системные связи между текстами (откуда и столь характерное для символизма явление, как циклизация лирических стихотворений и высокая степень их межтекстовой связанности). Автор показывает, как те же связи, которые характерны для лексической системы в целом, организуют и отдельные тексты: слово определяется в системе текстов, а лексическая система оказывается репрезентированной в нем. В качестве средств развертывания слова («словоупотребления») в текстовую структуру рассматриваются такие приемы, как повтор, параллелизм, опора на реалию, обратимость тропов и т. д. Правда, мне кажется, что в данном случае имеется в виду не столько «лексикологическое» слово, а скорее некоторый семантический комплекс, задающий тематическую структуру текста. Формально этот комплекс может быть отождествлен со словом, но не со словом-лексемой, а со словом — лексической микросистемой, словом — пучком торчащих в разные стороны смыслов [3].

Н. А. Кожевникова весьма убедительно выявила тесную зависимость между словом в лексической системе и словом в тексте. Более того — она показала и соотношенность между лексической системой и системой текстов, а также между словом в системе текстов символизма и текстом как образом лексической системы языка символистов. Демонстрации и конкретизации этих положений служит вторая часть книги — «Сквозные мотивы и образы лирики А. Блока». Анализируя принципы блоковского словоупотребления, Н. А. Кожевникова рассматривает лексические средства, создающие единство лирики Блока и организующие ее как связный единый текст. Основными интегрирующими средствами являются межтекстовая связанность и циклизация текстов, а на следующем уровне рассмотрения — циклизация и лирических циклов. Как известно, сам Блок именно так рассматривал свое творчество, называя его «романом в стихах». Такое рассмотрение творчества Блока — пожалуй, ведущее в современном блоковедении (см. работы Д. Е. Максимова, З. Г. Минц

и др.), но впервые оно осуществлено в столь полном объеме. Правда, на мой взгляд, во второй части Н. А. Кожевникова несколько отходит от присущего ей принципа системного рассмотрения материала: следуя от текста к тексту, она рассматривает лирику первого тома, затем второго и третьего (каждому посвящена отдельная глава). Но в результате стремления охватить буквально каждое словоупотребление поэта иногда возникает нечто вроде обстоятельного лексического комментария к стихам поэта, самого по себе весьма полезного, но несколько затемняющего системный характер языкового мышления Блока. Кроме того, создается впечатление, что обилие посвященных поэтике Блока исследований (а они большей частью затрагивают лексику) несколько сковывает автора: Н. А. Кожевникова почему-то отказывается от лингвистического инструментария и следует в целом в русле литературоведческой традиции.

Впрочем, вспомнив, что исследование Н. А. Кожевниковой — это «не одно из...» в ряду подобных, а по сути открывает этот ряд. Отсюда — вполне понятная осмотрительность автора, подчас нарочитая описательность работы. Ведь выход лингвистической поэтики в сферу истории языка, будучи убедительным свидетельством возросшего исследовательского потенциала этой общелингвисти-

ческой дисциплины, вместе с тем сразу же приводит к осознанию определенной недостаточности ее концептуального аппарата. В частности, некоторый «лексикоцентризм» автора (когда все, что выше уровня слова, относится к уровню текста) дает остро почувствовать, что в теоретической поэтике само ключевое понятие поэтического языка как многоуровневой системы остается весьма неопределенным: по крайней мере, не столь определенным, чтобы быть теоретически безболезненно использованным в ориентированном на историю конкретном исследовании. Так что монография Н. А. Кожевниковой, выполнив свою основную задачу — представив определенной синхронный срез истории русского поэтического языка — является еще и стимулом для разработки теоретического аппарата подобных штудий.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гофман В. Язык символистов // Литературное наследство. Т. 37—38. М., 1937.
2. Мандельштам О. О поэзии. Л., 1928. С. 48.
3. Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 119.

Зояна С. Т.

**Черемисина М. И., Колосова Т. А.** Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 196 с.

Сложное предложение (далее СП) — традиционный объект синтаксиса, в советском языкознании к нему проявляется устойчивый интерес. При этом характер изысканий в этой области в разное время был разным.

В 50—60-х годах на основе обобщения многих частных исследований (главным образом на материале русского кодифицированного литературного языка) в основном сложилось то понимание существа СП и принципов его анализа, которое представлено в большинстве современных описаний СП (в работах В. В. Виноградова, Н. С. Поспелова, Е. В. Гулыги, С. Г. Ильенко, С. Е. Крючкова, Л. Ю. Максимова, В. А. Белошапковой и др.). Позднее преимущественное внимание было перенесено с обсуждения общетеоретических вопросов на расширение той эмпирической базы, на которую опирались установившиеся к 70-м годам положения теории СП. В 70—80-х годах СП изучалось достаточно активно

на материале разных языков и разных речевых сфер русского языка, но пафос большинства из них состоял в фиксации отдельных не замеченных ранее факторов в организации отдельных классов СП и вытекающих из этого поправок к установившейся классификации СП.

Теория СП в этот период развивалась мало. Даже теоретически наиболее интересные исследования, отличавшиеся новизной тематики, не были направлены на обсуждение основ установившейся теории СП, а лишь вносили некоторые (правда, весьма существенные) дополнения к ней. Из числа работ, написанных на материале русского языка, к ним в первую очередь надо отнести те, которые направлены на изучение сторон СП, ранее не выделявшихся как особые объекты анализа, в частности работы о коммуникативной [1—3] и смысловой [4—5] организации СП, а также о системе СП в разговорной речи [6].

Поэтому появление «Очерков...»